

ДЕТЕКТИВ-**Н**ОСТАЛЬГИЯ

ГЕННАДИЙ СОРОКИН

Капля
ЧУЖОЙ ВИНЫ

МОСКВА
2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С65

Художник Алексей Дурасов

Сорокин, Геннадий Геннадьевич.

С65 Капля чужой вины / Геннадий Сорокин. —
Москва : Эксмо, 2022. — 320 с.

ISBN 978-5-04-165529-7

1982 год. В подсобном помещении хлебокомбината одного из сибирских городов обнаружен повешенным главный инженер. Первая версия — самоубийство. Однако молодой опер Андрей Лаптев, которому поручено это дело, думает иначе. У покойного не было серьезных причин сводить счеты с жизнью. К тому же на месте преступления присутствуют следы других людей. Что, если инженеру помогли уйти из жизни? Лаптев начинает внимательно изучать обстоятельства происшествия и неожиданно выясняет страшные подробности, у которых по советским законам нет срока давности...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Сорокин Г. Г., 2022
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

ISBN 978-5-04-165529-7

Глава 1

Сквозь сон я услышал стук в дверь.

— Андрей Лаптев, вставай! На вахте сказали, что ты здесь.

Я открыл глаза, посмотрел на часы. Половина двенадцатого! Мне удалось поспать всего час. В десять утра я пришел в общежитие после дежурства, уставший, вымотавшийся за сутки, только прикрыл глаза — и на тебе! Какой-то незнакомец долбит в дверь с такой силой, словно выломать ее хочет.

— Андрей, дело срочное, отлагательств не терпит!

Я сунул ноги в тапочки и как был, в одних трусах, пошел к двери. На пороге стоял незнакомый парень. Я видел его на заводе, но кем он работает и как зовут, не знал.

— Что ты ломишься, как пьяный, в чужую квартиру? — спросил я. — Ты не видишь, что дверь вся разболтанная, на одном честном слове держится?

— У нас ЧП! — не обращая внимания на мой вызывающий тон, сообщил незнакомец.

— Какое еще ЧП? Дохлая крыса в тестомесильную машину попала или мука на заводе закончилась?

— Главный инженер повесился.

Я на секунду оторопел, не зная, как отреагировать на известие о самоубийстве человека, который откровенно недолюбливал меня. Да что там недолюбливал! Главный инженер Горбаш ненавидел меня, ждал случая поквитаться за унижение, и вот теперь он болтается в петле... Но я-то тут при чем?

— Где он вздернулся? — задал я первый пришедший на ум вопрос. — В заброшенном теплоузле? Хорошее место, там трубы под потолком, не надо крюк выискивать. Давно его нашли? Всего полчаса назад? В милицию сообщили?

— Участковый должен прийти с минуты на минуту.

— Вот об участковом давай и поговорим. Хлебозавод стоит на территории Центрального РОВД. Я работаю в Заводском. Скажи, зачем мне в чужие дела лезть? Мне что, делать больше нечего, как у центральщиков под ногами путаться?

— Тебя директор хочет видеть.

— Мать его! — с досады выругался я. — Что за ма-нера тянуть kota за хвост! Ты сразу не мог сказать, что меня Алексей Георгиевич вызывает? Он где? У себя? Сейчас приду.

Если бы после дежурства меня захотел увидеть начальник управления хлебопекарной промышленности облисполкома или начальник милиции Центрального района, я сказался бы больным и лег дальше спать. Но директор! Ему я отказать не мог.

Директор хлебозавода Полубояринов выделил мне отдельную комнату в заводском общежитии. Во всем городе он оказался единственным руководите-

КАПЛЯ ЧУЖОЙ ВИНЫ

лем, кто согласился приютить меня. По утвержденным в горисполкоме правилам отдельные комнаты в ведомственных общежитиях предоставляли только работникам с детьми или специалистам, проработавшим на заводе не менее десяти лет. Мне было двадцать два года, я был холост и к хлебопекарной промышленности не имел ни малейшего отношения. Собственное жилье, хоть от милиции, хоть от горисполкома, мне пришлось бы ждать несколько лет, а я получил его через двадцать дней после начала работы в уголовном розыске Заводского РОВД. Долг платежом красен! Полубояринов имел полное право вызвать меня к себе в любое время дня и ночи.

Не теряя времени, я быстро оделся, подошел к столу за сигаретами. От окна сквозило. Щели между рамой и косяком были чуть ли не в палец толщиной. Чтобы заделать их, понадобился бы огромный кусок ваты, а где его взять?

«Сразу осеннюю куртку надеть или после директора подняться?» — подумал я, поежился и решил идти в джинсах и легком свитере.

Погода за утро изменилась. Когда я заканчивал дежурство, моросил мелкий дождик, а сейчас за окном плавно проплывали снежинки. Конец октября! Если наступят холода, то снег ляжет и уже не растает до самой весны.

Кабинеты директора, главного инженера, технологов, бухгалтерия и касса располагались на первом этаже нашего общежития. Здесь же были проходная на завод и актовый зал. Отдельного административного здания на хлебозаводе не было.

Полубояринову Алексею Георгиевичу было около пятидесяти лет. Он был невысокого роста, круглолицый, с выступающим под одеждой животом. Хлебозаводом руководил с середины 1970-х годов, был на хорошем счету у руководства, план по выпуску продукции выполнял и перевыполнял. За два с половиной месяца моего проживания на территории завода я видел Полубояринова всего три раза: дважды мы поздоровались, случайно встретившись на проходной, один раз он поинтересовался, как я устроился на новом месте.

В кабинете директора было накурено, сизый дым висел слоями и в открытую форточку выветриваться не желал.

— Садись! — Директор указал на стул у приставного столика. — Ты, говорят, только утром приехал с суточного дежурства? Устал, поди? Понимаю, но ничего не поделаешь! Кроме тебя мне послать некого.

— Алексей Георгиевич, не знаю, чем могу помочь, но все, что вы попросите, сделаю.

— Делать ничего особенного не надо. — Директор ослабил галстук, расстегнул верхнюю пуговичку рубашки. — Сходи в теплозел, постой там где-нибудь в уголке, посмотри, как твои коллеги работать будут, какие версии выдвинут. Сам понимаешь, дело не шуточное! Если бы повесился главный инженер какого-нибудь машиностроительного завода, то это было бы, без сомнения, ЧП, но не катастрофа. Железяки они и есть железяки, а мы хлеб выпускаем, наша продукция по всему городу расходуется, а тут — мертвец висит.

КАПЛЯ ЧУЖОЙ ВИНЫ

— Он же не в цеху повесился, а в заброшенном теплоузле. До ближайшего хлебохранилища метров пятьдесят будет.

— Если слухи поползут по городу, то кому ты объяснишь, что он нашел самый укромный уголок на заводе? Слухи они и есть слухи. В прошлом месяце неизвестно откуда пошел слух, что в буханке с первого хлебозавода мышь нашли, так к ним три комиссии приезжали, все закоулки облазали, мышиный помет искали. Ничего не нашли, но главному технологу выговор дали. Придрались к какой-то мелочи и наказали.

— Как нашли Горбаша?

— О, там целая детективная история! — Директор полез за сигаретами, но передумал — в кабинете и так нечем было дышать. — В шесть утра его жена позвонила на проходную, поинтересовалась, когда муж с работы ушел. Вахтерша посмотрела записи и видит, что вчера он зашел на территорию завода, а назад не вышел. В половине девятого на проходную заступила новая вахтерша, узнала о звонке и тут же доложила мне. Я подождал до начала рабочего дня, вижу, Горбаша нет ни в кабинете, ни в бухгалтерии, и дал указание проверить территорию. Мало ли что с человеком может случиться: сердечный приступ или сознание внезапно потерял. Хотя я сразу же заподозрил что-то неладное. Какой приступ — Горбаш был здоров как бык. Курил много, так от этого еще никто скоростижно не кончался. Капля никотина только лошадь убивает... М-да, что-то я не о том. Мы о чем говорили? А, где его нашли! Значит, так, мужики все цеха осмотрели, все склады проверили, а про новый

теплоузел даже не подумали. Он уже второй год заброшенный стоит. Бригадир грузчиков догадался замок на теплоузле проверить. Замка на месте не оказалось, а внутри наш дорогой Владимир Николаевич висит.

— Все понятно. Я пошел?

— Погоди, там вот еще какое дело, — остановил меня директор. — Горбаш, когда веревку к трубе привязывал, на строительные козлы залез, а на пол, прямо возле ножек, положил брикет шербета. Меня этот шербет больше всего с толку сбивает. Что он хотел этим сказать? На что намекал?

— Ерунда! — не согласился я. — Шербет на месте самоубийства мог оказаться случайно.

— Свежий шербет в закрытом теплоузле? Как он там случайно окажется? Это его с собой Горбаш принес. Не буханку хлеба взял, не батон и не булочку, а брикет шербета. В этом что-то есть, какой-то намек, какая-то загадка. Придешь на место — проконтролируй, чтобы о шербете лишних разговоров не было.

— Сделаю! — заверил я директора и вышел из кабинета.

По пути к себе я заглянул на проходную, попросил тетрадь с записями. Вахтерши, чтобы знать, где находится руководство предприятия, завели тетрадку, в которой напротив фамилий директора, главного инженера и главного технолога ставили плюсы и минусы. Зашел на территорию — минус, вышел — исправили на плюс. За вчерашний день, 28 октября 1982 года, главный инженер зашел на территорию завода пять раз, а вышел — только четыре. Последний минус так и не остался незачеркнутым.

КАПЛЯ ЧУЖОЙ ВИНЫ

— Вашу сменщицу не насторожило, что Горбаш после окончания рабочего дня не вышел с завода? — спросил я.

— Мы же тетрадь в руки берем только когда инженер или директор через проходную проходят, — пояснила вахтерша. — Тут за день столько народу войдет и выйдет, что всех и не упомнишь.

Я поднялся в комнату, оделся и пошел в новый теплоузел.

Глава 2

Сразу за проходной начиналась главная площадь хлебозавода. Не большая и не маленькая, но вполне широкая, чтобы на ней могли разехаться два грузовика-муковоза. Асфальтированные дороги вели с площади к производственным корпусам и подсобным помещениям.

Самым большим зданием на заводе был пятиэтажный главный корпус. Особенностью его архитектуры были не высокие потолки и не огромные окна, а пятый этаж, занимающий только среднюю часть здания. С земли этот этаж не было видно, и я до некоторых пор даже не подозревал о его существовании. На пятом этаже изготавливали торты — продукцию дорогостоящую, не подлежащую длительному хранению. Ниже был цех по изготовлению сувенирных пряников и шербета, еще ниже — основной пряничный цех, с тоннельной печью и складскими помещениями. Первый и второй этажи занимали цеха хлебопекарного производства.

Напротив главного корпуса был длинный одноэтажный цех по производству булочек и батончиков. Там же стоял единственный на заводе автомат, выпе-

кающий жареные трубочки с повидлом. За двумя основными цехами, на всю длину хлебозавода, шел двухэтажный корпус, в котором чего только не было! Начинался он со склада бестарного хранения муки, далее шли промышленные холодильники, склады, заводская столовая, вновь склады и подсобные помещения.

Практически весь второй этаж отводился для нового пряничного цеха с самым современным оборудованием, в основном импортного производства. Но этот цех бездействовал. После года работы нового пряничного цеха срочно вызванная из Москвы комиссия пришла к выводу, что фундамент здания не рассчитан на нагрузку, создаваемую современным оборудованием, и в любой момент может дать трещину или того хуже — может обвалиться потолок. Работу цеха немедленно прекратили, оборудование демонтировали, частично распихали по складам и пустым подсобным помещениям, а частично оставили ржаветь на улице, у забора со стороны железнодорожной линии.

Новый пряничный цех отоплением и горячей водой должен был обеспечивать отдельный теплоузел — самое последнее помещение во вспомогательном корпусе. За теплоузлом был бетонный забор, напротив него — булочный цех. Именно здесь, в бездействующем теплоузле, и покончил жизнь самоубийством главный инженер Горбаш.

Выйдя с проходной, я, поскользываясь на замерзших за ночь лужах, пересек главную площадь, обогнул булочный цех и направился к теплоузлу. Двери в нем были раскрыты, у входа стоял молоденький

лейтенант в новом форменном пальто, с кожаной папкой под мышкой.

— Привет! — панибратски сказал я, хотя видел его в первый раз.

— Гражданин, идите, откуда пришли, не мешайте работать! — нахмурился лейтенант.

— Я не гражданин, — улыбнулся я и достал служебное удостоверение. — Я из уголовного розыска Заводского РОВД.

— А здесь что делаешь? — удивился коллега, сразу перейдя на «ты».

— Живу я тут. На входе четырехэтажное жилое здание видел? Это общежитие. Моя комната выходит окнами на завод.

— А... тогда понятно, — протянул лейтенант.

— Ты, как я понял, участковый? Новенький, что ли? Я старого участкового видел. Усатый такой, майор. Ему на пенсию пора, а он все в участковых ходит. Залетчик, поди?

— Да нет, он нормальный мужик, но с понедельника в отгулах. Отпросился у начальства к родственникам в деревню съездить, а тут такое происшествие! Мой участок дальше, за промзоной. Частный сектор, склады, два магазина.

Лейтенант обернулся:

— Ты знал его? — кивнул он внутрь помещения. — Говорят, был большим начальником.

— Главный инженер. Это примерно как заместитель по оперативной работе в райотделе.

— О, тогда, конечно! — согласился участковый. — Представляю, если бы наш зам вздернулся, сколько бы беготни было.

Я двинулся внутрь. Участковый заградил мне путь.

— Ты что! — опасливо осмотрелся он. — Туда нельзя. До приезда оперативной группы велено никого не пускать!

— Перестань ерунду городить! Я что, первый раз на месте происшествия?

На правах старшего товарища, к тому же местного, я бесцеремонно отодвинул участкового и вошел в теплоузел.

— Ты бы на ветру не стоял! — посоветовал я. — Не май месяц. Просквозит, заболеешь, кто за тебя работать будет?

Участковый нехотя вошел, но не дальше, чем на два шага от двери. Я же прошелся вокруг валяющихся на полу козел, посмотрел на свисающее с потолка тело, ногой поддел брикет шербета.

— Не трогай здесь ничего! — испугался участковый. — Приедет следователь, узнает, что мы обстановку на месте происшествия изменили, нас обоих накажут!

— погоди раньше времени жуть наводить! — грубо оборвал я его. — Здесь есть одна лишняя деталь.

Я поднял шербет, поднес к двери, чтобы получше рассмотреть на дневном свете.

— Так и знал! — воскликнул я. — Бракованная продукция!

Не успел участковый ахнуть, как я размахнулся и зашвырнул брусок на крышу булочного цеха. Одинокая ворона, бдительно контролировавшая территорию завода с крыши общежития, взлетела, дала круг над булочным цехом и спикировала на внезапно